

Владислав
КРАПИВИН

**ДЫРЧАТАЯ
ЛУНА**

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Мир

Владислав Петрович Крапивин

Лето кончится не скоро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153490

*Владислав Крапивин Владислав Крапивин. Собрание сочинений в 30 томах. Том 21. Лето кончится не скоро: Центрполиграф; Москва; 2001
ISBN 5-227-01187-7, 5-227-00524-9*

Аннотация

После операции на сердце у организма двенадцатилетнего Шурки появилась невероятно мощная способность к регенерации. Но почему? Увлекательная история о приключениях, которые пережили Шурка и его новые друзья.

Содержание

Глава I. Змей над площадью часов	4
Глава II. В зарослях иван-чая	8
1. Голубая гроза	8
2. Отражение	13
3. Ищут пришельца	19
4. Дразнилки и щекоталки	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владислав Крапивин

Лето кончится не скоро

Глава I. Змей над площадью часов (Начало, взятое почти из конца)

Змей был сделан из тонкой оберточной бумаги и просвечен полуденным солнцем. Снизу он казался золотистым. Дергая мочальным хвостом, змей летел над обширными бугристыми пустырями.

Бугры поросли чертополохом с мохнатыми пунцовыми шариками, сизой полынью, репейником и всякими травами, что на заброшенных местах достигают человеческого роста и украшают себя желтым и белым мелкоцветьем. А выше всех зарослей стояли в жарком воздухе розово-лиловые свечи иван-чая. Этим летом он цвел особенно густо.

Полет змея был не ровный, а с частыми рывками. Ясно, что кто-то бежал по пустырю и тащил за собой нить. Но кто именно бежит, было не разглядеть. Лишь качание верхушек выдавало его путь.

На склоне пологого бугра была в зарослях проплешина – с клевером и подорожниками. На ее краю стояли двое мальчишек. Один – кудлатый и коренастый, с сумрачным лицом, в разноцветных шароварах и перешитой десантной тельняшке. Второй – тонкий, белобрысый, голубоглазый, с гладкими волосами и хохолком на темени. Он был в просторных шортах и такой же, защитного цвета, рубашке с распашным воротом, погончиками и шестью накладными карманами. Эта одежда в многочисленных барахольных ларьках продавалась под названием «анголка» – явное влияние недавнего знаменитого сериала «Африканские призраки». В карман можно было засунуть по три автоматных рожка. Но мальчишкины карманы были почти пусты, лишь в одном – горстка фаянсовых осколков совсем не военного назначения.

Имена двух друзей пока неизвестны. Придется одного называть Кудлатым, а другого Белобрысым, хотя, наверно, это не совсем удачный вариант.

Друзья тревожно следили за змеем. И за качанием травяных верхушек. Тихо было. Слышалось только мальчишечье дыхание да нарастающий шелест от того, кто бежал.

Белобрысый наконец сказал тонким голосом:

– Вот паразит! Ни вправо, ни влево...

– Тише... Может, еще свернет.

– Не свернет. В самую точку прет, как на радиомаяк...

Кудлатый расправил плечи и хмуро заключил:

– Значит, сам виноват.

– Может, сказать, чтобы уходил по-хорошему?

– Кто сейчас ходит по-хорошему? – умудренно возразил Кудлатый. – А если и уйдет, потом приведет шоблу...

– Если надаем ему по хребту, тоже может привести.

– Придется так надавать, чтобы не захотел.

Белобрысый обеспокоенно потрогал на макушке хохолок.

– Еще ведь неизвестно, кто кого. Какой он... Может, и не один...

– Не вздрагивай раньше срока.

– А кто вздрагивает? – И Белобрысый попрочнее расставил ноги.

Шум в бурьянной чаще нарастал.

И наконец неизвестный с разбега выскочил на лужайку.

– А ну, стой! – разом крикнули два друга. Один густым, другой звонким голосом.

И враг замер.

Это был не страшный враг.

По правде говоря, никакой не враг.

Мальчишка лет восьми, запыхавшийся и взъерошенный, в трикотажном летнем костюмчике, сплошь покрытом картинками из мультфильмов про Африку: пальмы, бананы и всякие там звери-крокодилы. Главный цвет картинок был зеленый, и будто нарочно, в тон им, крупными кляксами зеленки были заляпаны мальчишкины ноги. А волосы – светло-желтые, и глаза тоже светло-желтые, как у косматого льва, отпечатанного посреди майки.

Но теперь глаза эти быстро темнели от испуга.

В кулаках мальчик сжимал метровую заостренную снизу палку. К верхнему ее концу была привязана нитка змея. Видимо, для того, чтобы тянулась повыше, не цеплялась в кустах. Мальчик был похож на маленького знаменосца, с разбегу налетевшего на неожиданных врагов.

Двое смотрели на него. Он – на них.

Наконец мальчик приоткрыл рот. Голос был сипловатый – то ли от испуга, то ли от природы такой. А слова – сбивчивые:

– Я не знал... Сюда нельзя, да? Я правда не знал. Я думал, что я тут кругом один...

При этом он машинально покачивал палку с нитью, чтобы змей продолжал ощущать натяжение и не упал. Здесь, внизу, было жаркое, пахнущее травами безветрие, но выше над буграми тянул ветерок. Поддерживал змея.

Мальчик шевелил палкой, а глаза все темнели, и вокруг него нарастал звенящий страх.

Простор и безлюдье пустырей утратили свою заманчивость и доброту. Теперь в них была только угроза. И как далеко сразу оказалось все привычное, живое: улицы, трамваи, прохожие, свой привычный двор, мама... Кругом – пустыня. И эти двое могли здесь, в пустыне, сделать с ним все, что угодно. Каждый был в полтора раза старше и в десять раз сильнее. Что они так смотрят? И молчат... Они увидели, что у мальчишки мелко задрожала нижняя губа, он торопливо прикусил ее.

– Ну вот, – угрюмо бормотнул Кудлатый, – теперь напустит в штаны...

– Перестань, – отчетливо сказал Белобрысый.

– Перестал... – Кудлатый усмехнулся и поднял голову. Золотистый змей в синеве был теперь почти неподвижен. Кудлатый спросил: – Сам, что ли, сделал? – В этом вопросе, в его интонации маленький хозяин змея уловил что-то такое... намек на возможность избавления.

– Я? Да... Я сам. Я ведь не знал, что здесь нельзя... Вы только не трогайте змея, ладно? Я с ним столько возился. Второй раз уже не смогу...

Кудлатый и Белобрысый отвели от него глаза, посмотрели друг на друга. Потом – в землю. Без слов. Мальчик подождал и нерешительно нарушил молчание:

– Скажите, п-пожалуйста... – Сбивчивость он старался преодолеть старательным выговариванием. – Может быть, вы знаете место, где мне можно играть и никому не мешать?..

Кудлатый засопел и колупнул башмаком траву. Тогда Белобрысый подошел к мальчику и сел перед ним на корточки, как взрослый перед потерявшимся на улице малышом.

– Никому ты не мешаешь. Чего ты испугался? Играй... – Он оглянулся на Кудлатого, потом снял со штанов и майки мальчика несколько репьев. – А если хочешь... давай играть вместе...

– Вместе пускать змея, да?! – В голосе мальчика исчезла сипловатость.

– И змея, и... в нашу игру.

Темнота быстро уходила из мальчишкиных глаз.

– А что за игра? Она... опасная, да? Нет, я не боюсь...

– Сам ты опасный, – сказал издалика Кудлатый. – Ломился, как укушенный носорог через джунгли. Все мог растоптать.

– Я же не знал... А что я мог растоптать?

Кудлатый подошел.

– Дай-ка палку... Ну дай, не бойся, я ее воткну. Змей не упадет, ветер-то в небе ровный... – Он грудью налег на верхний конец палки, и нижний, заостренный, вошел в почву. – Вот так. А теперь пойдём...

– Но только никому ни слова про наши дела. Понял? – предупредил Белобрысый.

– Ну конечно же, я понял! Я... самое-самое честное... А вы... для того и кричали «стой»? Чтобы я не растоптал *это*?

– Что же нам было кричать? – буркнул Кудлатый. – «Добро пожаловать», что ли?

Раздвигая бурьян и дикий укроп, они прошли шагов двадцать. И оказались на лужайке.

Здесь был город.

Это был город для жителей муравьиного роста.

Пестрели дома из обточенных обломков кирпича, кубиков пенопласта и разноцветных кусочков оргстекла. Подымались глиняные, с рельефными украшениями, башни. Их соединяли крепостные стены из раскрашенных под кирпич дощечек. Были здесь и замок с кровлей из обрезков золотистой жести, и храмы с куполами из разноцветных половинок яичной скорлупы, и цирк, увенчанный блестящей жестяной воронкой. Были кружевные изгороди и мостики из алюминиевой проволоки, и бассейны размером с блюдце, и лестницы, украшенные по бокам статуями – шахматными коньками и пешками. Был даже памятник – конный рыцарь из набора оловянных солдатиков...

Но лучше всего была площадь перед замком – просторная, почти с квадратный метр.

Площадь вымостили разноцветными осколками фаянсовой посуды. Осколки складывались в картину-мозаику.

В левом дальнем углу площади строители выложили белый циферблат с желтыми числами и черными фигурными стрелками. К циферблату примыкала красная шестерня со спицами, к ней – цепляясь зубчиками – другая, к той – третья. И еще, еще. Этот узор из шестерней всякого размера и цвета изображал хитрый часовой механизм. В середине площади в него вписана была желтая косматая спираль – то ли пружина, то ли галактика. А в ближнем правом углу – маятник со смеющимся ликом солнца на диске. Вся часовая механика расположена была на фоне голубых и серых облаков. У краев площади эти облака заканчивались клубящейся кромкой и оставляли место блестящему небу – темно-синему и лиловому. В нем горели желтые и белые созвездия...

Мальчик с минуту смотрел на сказочную столицу восторженно и бессловесно.

Потом спросил шепотом:

– Неужели вы все это... вдвоем?

– Ага, – сказал Кудлатый.

Белобрысый наклонился к мальчишкиному плечу:

– Хочешь с нами? Здесь еще полным-полно всякой работы.

– Чего же спрашивать. Я конечно... Только я, наверно, не умею...

– Сумеешь. Змея-то сумел сделать. Вон какой хороший...

Все трое оглянулись. Солнечный прямоугольник виден был над высокими цветами иван-чая. Он чуть подрагивал.

– Может, его опустить? – робко предложил мальчик. – Не стоит оставлять без присмотра.

Кудлатый махнул рукой:

– Давайте перенесем палку вон туда, вперед! Чтобы змей оказался над нами. Тогда если и приземлится, то прямо сюда.

– Давайте! – возликовал мальчик. И вдруг испугался: – Ой... а если...

– Что? – разом спросили два друга.

– А если его увидит кто-то... посторонний. И захочет посмотреть ближе. Он ведь придет прямо сюда! Я сперва не подумал...

– Не увидит, – снисходительно сказал Кудлатый. – Со стороны, с улиц, не видать, что летает над Буграми. Разве ты не знал?

– Я... нет... А почему не видать?

– Такое здесь место, – со строгой ноткой сказал Белобрысый.

– Да? Тогда хорошо... Ой! А если увидят те, кто бродит здесь, по Буграм?

– Здесь не бродит никто, кроме нас... и тебя, – усмехнулся Кудлатый.

– Разве?

– Да, – сказал Белобрысый. – Никто... по крайней мере, из тех, кто может навредить нашему городу... Слушай! А ты сам-то как тут оказался? Где нашел проход?

– Я... под насыпью. Там такая железная труба. Наверно, для весенних ручьев. Почти вся заросла. Я раздвинул бурьян и нашел. Пролез...

Кудлатый присвистнул:

– Вот, значит, где!

– Никому не говори про трубу, – не строго уже, а по-приятельски попросил Белобрысый.

– Никому на свете!.. Я знаете почему наткнулся на трубу? Я искал щенка... Скажите, пожалуйста, вам не встречался рыжий щенок с черным пятном на ухе? Уши лопухастые, а шерсть мохнатая...

Белобрысый и Кудлатый переглянулись. Кудлатый мигнул и приоткрыл рот. Белобрысый быстро сказал:

– Нет. Рыжий с пятном не встречался ни разу.

– Теперь уж, наверно, не найти, – вздохнул мальчик. – Пол-лета прошло... Он подрос и меня, конечно, не узнает. Я думаю: хоть бы его добрые люди подобрали. Чтобы жилось хорошо...

– Наверно, так и есть, – глядя в сторону, сказал Кудлатый.

– А город ваш... никто-никто не видел, кроме вас и меня?

Белобрысый отозвался чуть виновато:

– Нам не жалко, если бы приходили и смотрели. Но ведь разорят в момент.

– Я понимаю...

Они перенесли палку на сотню метров против ветра. И змей остановился в зените, прямо над площадью Часов. Двое друзей и мальчик в «мультяшной» одежке сели на корточки у красной крепостной стены.

– Я знаете что могу? Я могу делать вот такие крошечные вертушки! Из бумаги и пленки. Их можно поставить на крышах... Можно?

– Давай, – сказал Кудлатый.

– Неплохо бы и мельницу ветряную сделать, – заметил Белобрысый.

– Это я тоже могу!

...Скоро в городе с площадью Часов шла дружная работа. Сквозь бурьян и татарник слышны были голоса. Изредка перебивал их смех. Чаще всех смеялся хозяин змея – безбоязненно и доверчиво.

Если бы он знал, как далеко по Вселенной разносится его смех! И какие космические устои он рушит...

Глава II. В зарослях иван-чая

1. Голубая гроза

Баба Дуся не боялась почти ничего на свете. Лишь два страха временами портили ей жизнь.

Во-первых, всю весну ее грызло опасение, что могут отобрать Шурку. Как привезли однажды, так и увезут – в далекий интернат, в город с длинным нездешним названием. Скажут: старая ты, чтобы растить и воспитывать мальчишку...

Но люди, что в марте одарили бабу Дусю внуком, к июню привезли и документы.

В первой справке говорилось, что Александр Полушкин есть ее, Евдокии Леонтьевны, вполне законный несовершеннолетний родственник. И что она, гражданка Е.Л. Смиринина, полноправная Шуркина опекунша.

Другая бумага давала гражданке Смирининой право получать на Шурку денежное пособие.

А третий документ предписывал директорше ближней школы принять первого сентября Александра Полушкина в седьмой класс в связи с переездом на данное место жительства.

И примет, никуда не денется. Тем более, что город с бывшим Шуркиным интернатом после недавних политических трясок оказался на территории другого суверенного государства. Там, разумеется, хватает беспризорников и без Полушкина...

Причина для беспокойства исчезла. И Шурка несколько раз подъезжал к бабе Дусе:

– Ну, теперь-то уж скажи, что за город. Чего ты боишься?

– Придет время, сам вспомнишь. А пока, чем меньше знаешь, меньше рассказывать будешь. Оно и спокойнее...

– Да кому мне рассказывать-то!

Шурку брала досада. Он морщился, напрягал память, но почти сразу начинался в ушах беспорядочный звон. Будто кто-то спускал с высоты до земли сотни металлических нитей с бубенчиками. За этой звенящей завесой пряталось многое из того, что случилось раньше. А если Шурка не отступал, начинало болеть в левой стороне груди. Словно там было, чему болеть...

Шурка встряхивал головой. Звон затихал. И Шурка возвращался к нынешней нехитрой жизни...

Короче говоря, страх бабы Дуси насчет Шурки оказался не очень длинным.

Однако на смену ему подоспел, ожил другой – стародавний и неистребимый.

Июнь пришел жаркий и влажный. Чуть не каждый день накатывали грозы. А молниями и громом баба Дуся была напугана с детских лет на всю жизнь.

Едва начинало погромыхивать, она закрывала форточки, проверяла в дымоходе выюшку и запирала на все крючки и задвижки наружную дверь (что, сами понимаете, было уже сплошной бредятиной).

Потом баба Дуся укрывалась в кухоньке с наглухо зашторенным окном и звала Шурку к себе – бояться вдвоем было легче.

Но Шурка не боялся.

Когда за окном грохало, а баба Дуся крестилась и шептала: «Ох ты, Господи, грехи наши», Шурка пытался воззвать к ее рассудку:

– Ну при чем тут твои грехи! Это же природа! Летом всегда бывают грозы, пускай хоть все на свете сделаются безгрешные...

– Ох, да помолчи ты, окаянная сила...

А за окном опять: бух! трах!

– Господи-светы...

– И ни при чем тут Господи, это атмосферное электричество.

– Да без тебя знаю, что атмосферное! Оно и страшно. Господь-то, он милостив, а электричество это лупит куда ни попадя. На той неделе у рынка киоск молнией спалило...

– Подумаешь, киоск! Всего один. А рэкетеры этих киосков семь штук подряд сожгли на улице Красина. Да еще склад подорвали с парфюмерными товарами. На два квартала вокруг тройным одеколоном пахло. Пьяницы сбегались, неразбитые флаконы искали...

– Ох, Шурка, это ты меня заговариваешь, чтобы о страхе забыла.

– Ну да!.. Но о пьяницах – правда. Спроси дядю Степана, он тоже туда ходил... Баба Дусь, да не бойся уже, пронесло. Слышишь, теперь совсем в отдалении гремит.

– Пронесло... Кабы последний раз это! К ночи небось опять нагонит.

Ночью было ей еще страшнее. Шурку ведь не станешь будить и к себе звать...

А он не спал. И слышал, как баба Дуся в своей комнатухе скрипит кроватью и шепчет молитву. Потом шепот стихал: баба Дуся накрывала голову подушкой.

Тогда Шурка вставал, отодвигал шторку, открывал форточку. Впускал в дом свежесть и грозные вспышки.

Так было и в этот раз.

Гроза собралась к полуночи. Гремело пока не очень сильно, зато взмахи голубого света то и дело распахивали небо. И открывались в нем облачные материи: выпуклые рельефы бирюзовых горных массивов, лиловые провалы и зубчатые вершины, окутанные сизым дымом. И серебристые смерчи космических размеров. Смерчи казались неподвижными. Все казалось неподвижным, как на гигантских слайдах. Потому что молнии вспыхивали на очень короткий миг. А когда одна вспышка гасла и сразу загоралась другая, картина была иной – словно в проекторе сменили кадр.

Эти синие и голубые, сизые и лиловые пейзажи были неземными. И Шурка подумал уже не первый раз: «Наверно, как на Рее. Она ведь тоже голубая...»

На ней – незнакомой, дальней, сказочной – небывалый простор аквамариновых вод, граненое стекло бирюзовых скал, хрустальные дуги мостов и блеск прохладных крутых водопадов... И солнце, похожее на люстру с тысячей сверкающих подвесок...

Полыхнуло несколько раз – без звука. Но когда упала короткая темнота, ударил такой треск, что старый двухэтажный дом содрогнулся всеми бревнами. Теплые половицы ударили Шурку по ступням, он подпрыгнул. И услышал, как на кухне сорвался с гвоздя латунный таз – это было продолжение грома.

Шурка выскочил на кухню. Таз на полу все еще вибрировал. И отражал вспышки. В желтой латуни они были зелеными. Показалось Шурке, что от металла идет тихий равномерный звон.

Правда?!

Шурка подхватил посудину и надел на голову. Запах кислой меди ударил в нос. А в ушах – сразу тишина. И пустота бескрайних пространств. И еле слышный шепот эфирных волн – Вселенная не спит.

– Алло... – неуверенно сказал Шурка. – Гурский... Это я, Полушкин. Гурский, вы меня звали?

Пространства молчали. Зато земной голос оказался неожиданно близким и сварливым. Плачуще-сварливым.

– Тебя зачем, окаянная сила, сюда принесло?

Баба Дуся – маленькая, круглая, в серой рубаше до пят – стояла в двери и мелко крестилась при каждой вспышке. Они загорались в ее толстых очках (без этих очков она – ни шагу).

– Я это... водички попить, – растерянно соврал Шурка.

– Из таза, что ли? Никак спятил...

– Он со стены грохнулся, я и поднял...

– А на башку-то на дурную зачем надел? Не знаешь разве, что молнии по металлу поперед всего лупят?

Да, видимо, она ничего такого не подозревала...

Шурка повесил таз, подошел, щекой лег бабе Дусе на пухлое плечо.

– Ба-а, ты такая храбрая, а грозы боишься, прямо как в детсадовском возрасте... – А в это время опять: бах! И трах, бух, грох!

– Пресвятая Богородица!.. Я храбрая с тем, с кем умею справиться. А с этой небесной страстью что можно сделать-то?

– У нас же громоотвод на крыше... Пойдем спать.

Он повел бабу Дусю в ее комнатушку. Укрыл одеялом, когда легла. Поплотнее задернул на окне занавеску.

– Шур, посиди тут на краешке, а? Одна-то я совсем сомлею со страху.

– Ага, я посижу.

Он присел у бабы Дуси в ногах, щекой прислонился к завиткам на спинке старомодной кровати.

Любил ли он бабу? Трудно сказать. Но все же как-то привязался за весну. Бывало, что скучал, если надолго уходила из дома. Как-никак единственная на свете родня, хотя и дальняя. Если, конечно, Шурку не обманули. Может, просто бабе Дусе заплатили как следует, чтобы признала его за внука. Им ведь ничего не стоит... Может, просто эта Евдокия Леонтьевна подошла им по всем условиям. Хотя бы потому, что оказался у бабки тот большой латунный таз: по нынешним временам вещь редкая, старинная...

Впрочем, Шурка думал об этом без грусти и тревоги, лениво. Что было, то было. И теперь – все к лучшему... В конце концов, баба Дуся его, Шурку, все равно любит как родного. Не по заказу.

Нельзя сказать, чтобы она его баловала. Бывало, иной раз и прикрикнет: «Ты будешь слушать бабу или нет? Вот скручу полотенце да этим полотенцем меж лопаток!..»

Шурка смеялся: «Не-е, баб-Дусь! Я же твой единственный любимый внук».

«Ну дак и что же, что любимый! Любимых-то ишшо больше надо держать в строгости».

Но строгости в бабе Дусе не было. Зато была крепкость характера. Потому что в жизни ей хватило всякого. В молодости побывала замужем, но детей не завела, а муж-пьяница скоро помер. С той поры вела Евдокия Леонтьевна жизнь одинокую. Помыкалась по разным городам и поселкам. Наконец лет двадцать назад получила комнату в этом доме. Комната была просторная. Евдокия Леонтьевна своими руками поставила дощатые стенки – разделила жилплощадь на две каморки да еще ухитрилась выгородить кухню.

Было время, сдавала она одну комнатушку студенткам здешнего педучилища. Но потом не стала.

– Уж больно они, нынешние-то, шалапутные стали...

Жила баба Дуся не бедно. До пенсии работала мастерицей в швейном ателье. Потом стали сдавать глаза. Но и сейчас, в своих толстенных очках, баба Дуся иногда садилась за работу по просьбе знакомых и соседок.

Соседи Евдокию Леонтьевну уважали, хотя за глаза порой называли Кадусей. То ли сокращенно от «бабка Дуся», то ли за ее малый рост и округлость – мол, совсем будто кадушка для квашеной капусты.

Да, ростом баба Дуся не вышла – невысокому Шурке чуть выше плеча. Но Шурка все равно признавал ее авторитет и сверху вниз на «баб-Дусю» не смотрел (по крайней мере, в переносном смысле). Разве что во время грозы...

Баба Дуся целыми днями хлопотала по хозяйству. Но Шурку домашними делами не перегружала. Хочешь – лежи на диване и читай, хочешь – гуляй, хочешь – телевизор смотри. Ну, а если посуду помыть да пол подмести – это разве большая работа?

Иногда по вечерам они вместе смотрели футбол. Баба Дуся болела за «Спартак», и Шурка делал вид, что он болеет за ту же команду, хотя было ему все равно. Случалось, что беседовали: бабка рассказывала о своем житье-бытье, а Шурку иногда просила:

– Ты рассказал бы чего-нибудь еще про греческих богатырей. Про Геракла там да про этих, про кентавров. Очень даже интересно...

Шурка без особой охоты, но не упрямясь, пересказывал ей мифы Эллады. Те, которые любил читать в прежней (уже такой далекой) жизни. Он понимал, что бабу Дусю не так уж волнуют эти истории. Просто она не хотела, чтобы он молчал весь вечер. Боялась, что придут к нему тоскливые мысли.

Но она зря боялась. Шурка жил спокойно и беззаботно. Он теперь находил интерес и маленькие удовольствия в самых простых вещах. Мог, например, с увлечением наблюдать, как пухнет снежной шапкой на закипающем молоке пена. Радовался зеленым стрелкам овса, прорастающим в цветочном горшке рядом с геранью. Подолгу смотрел на облака, на воробьев, на девочек-дошкольниц, что прыгали на дворе через веревочку.

Ровесников для Шурки в двухэтажном четырехквартирном доме не нашлось. Так, мелкота всякая. Ну и ладно... А может, и это нарочно сделано, чтобы не было лишних контактов?

Гурский почти не беспокоил. За все время только два раза начинала тонко вибрировать на кухне латунь. Шурка хватал таз, опускал на голову.

– Гурский, это вы?

– Как дела, Полушкин?

– Нормально... Я что-то должен сделать?

– Ничего. Пока ничего. Живи спокойно.

– Ага...

Баба Дуся один раз это заметила, удивилась:

– Ты чего бормочешь под посудиной?

– Играю так... В космонавтов.

– Ну, играй, играй...

И Шурка жил дальше. Он чувствовал себя как пассажир на малолюдной пересадочной станции. Прежний поезд ушел, другой придет лишь завтра (или через неделю, или через год), и делать пока абсолютно нечего. Гуляй себе по окрестностям или гляди по сторонам. Слушай, как посвистывают птицы, как голосит в отдалении деревенский петух. Смотри, как растут в щелях разошедшей платформы ромашки. Радуйся теплоте дню и тому, что оставила тебя тоскливая хворь...

Гроза отодвинулась. Сполохи за шторкой были еще яркие, но гремело глухо. Баба Дуся уснула, как девочка, с ладошками под щекой. Очки соскользнули и лежали рядом на подушке.

Шурка осторожно положил очки на стул с бабкиной одеждой. На цыпочках ушел к себе. Лег не укрываясь. Воздух из форточки прошелся по телу мягким крылом. Прохладный, чистый.

...А на Рее всегда такая свежесть и чистота. И люди могут свободно летать над лагунами и водопадами со скалы на скалу.

«Реять над Реей...» Что-то похожее было в каких-то стихах. Только они про море и корабли, а не про планету.

Впрочем, никто, кроме Шурки, не зовет ее Реей. Во-первых, никто не знает. Во-вторых, земного названия у нее просто нет.

«А как она называется, ваша планета?»

«Трудно ответить. „Называется“ – это вообще чисто земное понятие. У нас не так...»

«Ну, все-таки...»

«Ладно. Если хочешь, то...» – Ион выдохнул что-то похожее за «Рэ-э». Только звук «р» был не отчетливый, а словно проглоченный, как у англичан.

«Рэ-э», да? А можно «Рея»? У древних греков так звали мать Посейдона, бога морей. У вас ведь там сплошь моря...»

«Можно, если хочешь. Конечно... Сколько у вас, у землян, всяких сказок. Хоть какая-то реальность в них есть?»

«Какая-то есть. Обязательно... Не все у нас плохо, не думайте!»

«Я и не думаю, что все... Спи, Полушкин».

2. Отражение

Утром на улице пахло мокрыми листьями и синели лужи. В них плавали обломанные тополиные ветки.

Шурка выбрал самую большую лужу и пошел по краю. Это занятие всегда ему нравилось. Идешь будто над бездонным провалом, где в фиолетовой глубине висят маленькие желтые облака. Тоже напоминает Рею. По крайней мере, так Шурке кажется.

Если прыгнуть в такой провал, сперва будет жуть падения, но потом безопасно опуститься в пушистое облако – словно в перину. Однако Шурка не прыгал. Чтобы не случилось разочарования.

Зато летать над бездной он пробовал. Разбегался и перескакивал обширные дождевые разливы. И в середине длинного прыжка старался усилием воли уменьшить скорость. И повиснуть над пустотой! Один раз это почти удалось. Шурка на миг остановился в полете. Да! А мальчишка, похожий на Шурку, что летел под ним в провале, вдруг исчез. И глубина открылась под Шуркой всей своей бесконечностью. Он ухнул в эту глубину... и хлопнулся в лужу на четвереньки. Хорошо еще, что не задним местом, а то бы совсем скандал.

Больше таких опытов Шурка себе не позволил. Потому что кто его знает! Вдруг сработает здесь что-нибудь *такое*? В другой раз и правда улетишь...

Но лужи Шурка не разлюбил. И сейчас он скинул кроссовки и осторожно вышел на самую середину.

Воды оказалось выше косточек, но это не страшно, потому что школьные штаны были подвернуты почти до коленей. Шурка почти всегда их подворачивал. Во-первых, жарко, а во-вторых, брюки были куцые и обтрепанные внизу. Баба Дуся все охала, что вот уже лето началось, а подходящую одежду внуку она все еще не справила.

– Потому что не знаю, что и покупать. То цена несусветная, то мода непонятная... Хочешь разноцветный костюм, весь в картинках? Корабли там всякие да попугаи. Как в телевизоре.

– Баб-Дусь, ты не выпалась, да?!

– А чего? Вон сколько мальчонков бегают в таком разноцветном. Глаза радуются.

– Кто бегают-то! Пацаны дошкольного размера!

– Всякого размера бегают... А ты уж поди шибко большой!

– А маленький, да? Двенадцать лет на носу!

– Ох ты, Господи, да на вид-то все одно не больше десяти. Да и где твои двенадцать?

Надо еще лето прожить да пол-осени...

Это верно. День рожденья наступит, когда Солнце войдет в созвездие Весов. Так ему и сказано было: «Очень важно, что ты – Весы».

Почему важно? Стерлось в памяти. Ладно, вспомнится, когда надо... А может, никогда это «надо» не придет?

А как же тогда Рея?

А разве она есть? Сам, небось, выдумал...

Шурка глянул вниз, под себя.

Тот, что перевернуто стоял под ним – тоже в подвернутых штанах и выцветшей клетчатой рубашке, шуплый и с косматой, овсяного цвета головой, – внимательно смотрел снизу. Шурка слегка нагнулся.

Да, отражение уже не то, что прежде, в домашнем зеркале. Баба Дуся за весну откормила и отпоила молоком с медом неожиданно свалившегося на нее внука. Нет уже рвущей кожу остроты скул. Нет под глазами темноты. Нет в лице прежней интернатской ошетиенности. Пацан как пацан, из нормального дома. Только вот волосы...

Но что делать, если обрастает Шурка стремительно! Баба Дуся каждую неделю обрабатывает прическу портновскими ножницами. Тут уж не до моды, не выглядел бы только обормотом... А ногти Шурка стрижет каждый вечер, иначе бы скоро выросли как у китайского мудреца Конфуция (из учебника по истории). Называется это «способность к повышенной регенерации». Она появилась еще в клинике, и Гурский снисходительно сказал:

– Ничего, Полушкин, потерпи, это побочный эффект. Со временем пройдет. А пока... в конце концов, здесь есть и хорошая сторона.

– Ох, и откуда в тебе эта... скороспелая обрастаемость, – лязгая своим инструментом, ворчала баба Дуся. Шурка помалкивал. Он знал откуда. А может, и баба Дуся знала, только притворялась?

Ночной дождь прибил тополиный пух, но сейчас земля уже подсохла, и пушистая метель потихоньку начинала свое кружение. Она тихо радовала Шурку.

А баба Дуся тополиный пух не любила. Потому что он собирался у заборов пухлыми грудками и мальчишки эти груды часто поджигали. Чем такое дело грозит деревянным домам, понятно всякому. Кроме этих самых мальчишек.

– Ты не вздумай такими играми баловаться, – наставляла баба Дуся Шурку.

– Я что, шизик, по-твоему?

– Вроде бы никто не шизики, а жгут. Подбивают на дурное дело друг дружку... Гляди, и тебя подговорят!

– Да кто? У меня и знакомых-то здесь нет!

– А оно и плохо, что нет, – переключалась баба Дуся. – Все один да один... Вон в садике у школы ребятишки каждый день мячик гоняют. Симпатичные такие, вовсе не хулиганы...

– Ну и молодцы, что гоняют, – отзывался Шурка с полным доброжелательством к симпатичным ребятишкам.

– Значит, не хочешь ни с кем дружбу водить?

– Не знаю... Пока нет.

Но при последнем таком разговоре Шурка уже хитрил. Был человек, с которым подружиться хотелось.

Жил этот человек на улице Каляева. Жила...

По улице Каляева ходил трамвай.

Эта трамвайная линия была самая старая в городе и называлась Мельничная.

Начинался трамвай на маленькой, заросшей лебедью площади с водонапорной башней. Тянулся по Водопроводной улице, пересекал по дамбе Колдуновский овраг и начинал петлять...

Шурка был, видимо, по природе зрителем. Полюбившиеся фильмы он смотрел по многу раз. Таким фильмом была для него и Мельничная линия. В начале мая Шурка от нечего делать сел в расхлябанный, старинного вида вагончик шестого маршрута, проехал весь путь от начала до конца. И с той поры катался по Мельничной постоянно. Смотрел в трамвайное окно и тихо радовался.

Вроде бы ничего особенного, обычная окраина. Однако Шурке в здешней тишине и заброшенности, в петлянии рельсовой колеи, в косогорах с покосившимися домиками и старых водокачках чудилась заколдованность.

...Итак, после дамбы начиналась «карусель».

Трамвай, дергаясь, как вагончик игрушечной железной дороги, нырял в кривые переулки.

Он бежал впритирку с заборами, и стоявший у этих заборов репейник жесткими верхушками скреб по стеклам.

Иногда трамвай выскакивал на бурьянные пустыри, где в серых зарослях валялись непонятные ржавые механизмы и синели блюдца воды – остатки растаявшего снега.

Потом, делая неожиданные витки, трамвай катил среди приземистых мастерских, складов и дворов, среди которых громоздились штабеля гнилых ящиков, валялись решетчатые стрелы грузовых кранов и кособочились поломанные экскаваторы.

Временами вагон взбегал на горбатые мостики с литыми узорами чугунных перил. Мостики пересекали то речку Саженку, то железную дорогу. На колесах этой дороги в застарелой неподвижности спали щелястые товарные вагоны и бурые цистерны. Почти все рельсы были ржавые, кое-где между шпалами пробились березки. Лишь один из путей отражал солнце – видать, по нему время от времени еще ездили.

Рельсы вели к могучим заводским воротам.

Завод вздымался над садами и домиками окраины всей своей мощью – стеклянными крышами закопченных цехов, эстакадами, кранами, полосатыми трубами и усеченными пирамидами гигантских конденсаторов. Над покрытыми серой жестью пирамидами всегда колыхался жидкий пар. Изредка с территории доносились шипение, механические хрипы и гул. Но трубы почти не дымили: завод работал в четверть силы. Он дышал тяжело и беспомощно, как выброшенный на берег кит.

Назывался завод «Красный трансформатор». Но даже малые дети знали, что трансформаторы – не главная его продукция. А главная – броневая сталь. В последнее время спрос на броню сильно поубавился, а для сковородок, подносов и прочего мирного товара этот металл, очевидно, не годился. И «Красный трансформатор», прямо скажем, умирал. Люди с него уходили кто куда. Цеха замолкали, обширные пространства покрывались сорняками.

Шурке не было жаль завод. Все, что связано с оружием, вызывало у него отторжение, похожее на тугую боль. Лишь о латунной трубке он вспоминал без отвращения. «Жаль только, что промахнулся...» Но это было давно, давно, давно...

Трамвай между тем круто поворачивал снова, завод оставался за косогором с полуразрушенной церковью. Вагон выкатывал на улицу Каляева.

Улица была одноэтажная, с палисадниками, с густыми рябинами и россыпью одуванчиков.

Одуванчики в этом году зацвели очень рано. Они принесли на окраины солнечное веселье.

А еще лучше стало, когда загустела летняя зелень и начал цвести иван-чай.

Он цвел всюду: вдоль заборов, на пустырях, в палисадниках. Даже в темных выбитых окнах заброшенных мастерских светились его розовые свечи.

Шурке нравилась эта неприхотливая и большая, в рост человека, трава с узкими листьями и высокими остроконечными соцветиями. В соцветиях была неброская красота и обещание долгого лета. В их нижней части цветы широко раскрывали свои пять лепестков, выше они распускались лишь наполовину, а верхушка состояла из похожих на острые семечки бутонов. Пусть нижние венчики отцветают без боязни. Выше вон еще какой запас! Хватит до самой дальней осени...

По Каляевской трамвай шел довольно долго. Потом опять начинал петлять и наконец выезжал к большому каменному мосту. Под мостом была еще одна железная дорога. А рядом с ней стояли многоэтажные кирпичные развалины.

До революции здесь были паровые мельницы. Отсюда и название линии. Потом мельницы переделали почему-то в пивоваренный завод, а во время войны, говорят, здесь производили взрывчатку. В послевоенные годы этот завод вырабатывал пластмассу, а однажды на нем случился пожар, после которого все оказалось заброшено...

Рельсовая линия кончалась именно здесь, у мельниц. Она ныряла под мост, делала петлю и возвращалась на прежнюю колею. Потом путь продолжили, уложили рельсы поверх

моста, и они потянулись аж до поселка Ново-Садовое. Но эта дорога была уже не так интересна. Туда ходил трамвай номер четырнадцать. А шестерка доезжала лишь до старого кольца. На остановке «Конечная – Мельницы» все пассажиры выходили. Даже те, кто по каким-то причинам хотел отправиться обратно. Вожатые не терпели, когда кто-то ехал в трамвае под мостом. Наверно, боялись, что какой-нибудь псих террорист подбросит туда бомбу.

Шурка один раз, в середине мая, пытался проехать, притулился на заднем сиденье, но грузная тетка-водительша с криками турнула его. Шурка перешел на другую сторону пути, но в подъехавший с кольца вагон не сел – чтобы не попадаться на глаза грозной хозяйке трамвая. Дождался другого.

Вот не случись такого перебоя в пути, может, и не подвернулся бы тот момент, когда Шурка увидел в окне девочку.

В середине улицы Каляева стоял зеленый дом с тремя окнами в белых кружевных наличниках. Палисадника перед домом не было, густо росли у дощатой завалинки одуванчики.

День стоял совсем уже летний, крайнее окно было открыто. На подоконнике сидела круглолицая девчонка с длинными пушистыми косами льняного цвета. Одна коса спускалась из окна. Девочка, нагнувшись, играла ею с кошкой, которая устроилась на завалинке. Кошка лапами теребила конец косы и радовалась. А девочка поглядывала то на нее, то на улицу.

Шурка высунулся из трамвайного окошка.

«Мальчик, не высовывайся», – сказал в микрофон вожатый, но Шурка не послушался. Рельсы пролегали совсем недалеко от дома. Шурка встретился с девочкой глазами. Она вдруг засмеялась и показала Шурке язык. Но не обидно, а так, будто приятелю однокласснику. Такая дружеская дразнилка. И Шурка... он тоже заулыбался и поднял к носу большой палец, а другие растопырил и зашевелил ими: вот, мол, тебе... И тогда она помахала ему рукой. И он тоже помахал ей. И сразу частые рябины закрыли от него зеленый дом...

И потом долго было тепло в груди. Словно туда сквозь стеклянное оконце проник солнечный лучик. И не погас...

С той поры Шурка ездил по улице Каляева почти каждый день.

Раньше этот участок Мельничной линии казался ему не самым интересным. А теперь сделался любимым. Одно только не нравилось Шурке – само название улицы. Потому-то однажды он набрался храбрости и спросил у пассажиров:

– А кто такой был этот Каляев, не знаете? – И добавил виновато: – Я не здешний.

Коротко стриженный парень с буграми мускулов под майкой небрежно разъяснил:

– Хрен его знает. Кажется, террорист-подпольщик был до революции, какого-то князя угрохал. В Москве в его честь тоже есть Каляевская...

Шурка поморщился. Как ни живи, а от прошлого и от сравнений не уйдешь. Хотя, конечно, Лудов не был князем, а был просто гадом. И, в отличие от князя, Лудову повезло...

Но потом совершенно случайно – на обрывке газеты, в котором баба Дуся принесла с рынка головки чеснока, – Шурка прочитал:

«Сегодня Краеведческий музей проводит конференцию, посвященную двухсотлетию со дня рождения нашего земляка, ученого-самоучки, знаменитого заводского умельца И.А. Каляева, который прославился многими изобретениями и в честь которого названа одна из улиц Саженковской слободы...»

И все стало хорошо!

Правда, девочку Шурка больше не видел, окна каждый раз были закрыты. Видел только знакомую кошку. Она сидела на завалинке и умывалась. Один раз Шурка даже прошелся мимо зеленого дома пешком. Присел рядом с кошкой, погладил ее. Она выгнула спину и доверчиво мурлыкнула.

А может, и девочка сейчас появится? Тогда можно было бы сказать: «Какой хороший зверь. Как его зовут?» – «Мурка». – «А меня Шурка». – «А меня...»

Но девочка не появилась. Шурка вздохнул и пошел к остановке. Ну да ладно, чего вздыхать. Может, когда-нибудь и повезет...

В этот раз, отпуская Шурку гулять, баба Шура дала денег и сумку из болоньевой ткани.

– Купи картошку, три кило. Да луку зеленого. Их почти на каждой остановке продают...

Шурка сунул деньги в один карман, свернутую в трубку сумку в другой.

– Баб-Дусь, я покатаюсь и к обеду вернусь.

– Иди, иди, бродячая душа...

...И вот, побродив по луже и натянув на мокрые ступни кроссовки, Шурка дошагал до кольца у водонапорной башни. Вскочил в подкатившую шестерку.

Народу в вагоне оказалось немного. Ни пассажиры, ни вожатый не ругали мальчишку на задней площадке за то, что он чуть не по пояс высовывается из окна.

Но хоть как высовывайся, а окна в зеленом доме снова были закрыты (красный трамвай равнодушно отразился в стеклах). И даже кошки на завалинке не оказалось. Шурка с привычным вздохом хотел уже сесть на тряскую скамейку. И вот тогда-то увидел в конце квартала знакомые косы.

Девочка куда-то шла от дома.

Она шла не одна, а вместе с другой девчонкой и... с тремя мальчишками! И все же, когда трамвай обогнал эту компанию и подкатил к остановке «Стекольная», Шурка выпрыгнул из вагона. Сел на лавку под навесом и стал ждать. У него пушисто щекотало в груди...

Пятеро показались из-за рябин. Тротуар был узкий, и ребята шли не по нему, а по траве между поребриком и трамвайным полотном. Шли шеренгой. Неторопливо. И пока подходили, Шурка успел рассмотреть каждого.

Та-Что-с-Косами была в узких черных брючках до колен и цветастой кофточке-распапонке. Одна коса за спиной, другая на груди.

Вторая девочка тоже была с косами. Вернее, с косичками, тощими, рыжеватыми, торчащими. И вся она была желто-рыжая: в узорчатых апельсиново-коричневых лосинах и ворсистом свитере золотистых тонов (в такую-то жару!)

Один из ребят был похож на эту девочку – такой же рыжеватый и остролицый. А другой – с аккуратной темной стрижкой ниже ушей, чем-то похожий на юного музыканта или танцора. Оба они были в мятых анголках: рыжеватый – в пятнистой, а его приятель – в серо-зеленой.

Еще один мальчишка был явно младше своих спутников. Четверо – они, видимо, Шуркины одноклассники, а этому не больше десяти. Ростом он был одинаков с остальными, но просто потому, что длинный и тощий от природы.

Одет он был, как и «желтая» девочка, не по сезону: в длинные штаны из похожей на брезент материи и плотную серую рубашку, глухо застегнутую у ворота. Бедняга... Но самой примечательной деталью его портрета были волосы. Росли они очень густо. Но не равномерно, как у Шурки, а клочьями. Причем клочья эти были разными: от темно-русых до белых, почти седых. «Пегий...»

Шел «пегий» с краю, очень независимо – левая рука в кармане, узкие плечи расправлены, голова на тонкой шее вскинута, как у гвардейца на параде. Впрочем, иногда он поворачивал голову к остальным, чтобы вставить слово в общий разговор. И даже иногда смеялся вместе с остальными. В правой руке нес он белый пластиковый бидон, помахивал им.

Компания прошла мимо, не обратив на Шурку внимания. Он подождал. Поднялся и двинулся следом. В отдалении.

3. Ищут пришельца

Зачем он пошел за ними? Сам не знал. Подходить к Той-Которая-с-Косами, пытаться завести знакомство было сейчас немыслимо. Даже как зовут, и то не узнать. Потому что за двадцать шагов ребячий разговор был неразборчив, а догонять компанию Шурка не смел.

Скоро от улицы Каляева под острым углом отошла другая, Кузнечная. С такими же одноэтажными домами и высоким иван-чаем у заборов. Но была особенность – дома стояли как бы по берегам, а дорога – словно речка. Она тянулась по дну неглубокого оврага. Откосы его заросли, конечно, все тем же иван-чаем и буйным чертополохом.

Ребята зашагали по тротуару вдоль заборов. Шурка схитрил. По дорожке среди зарослей свернул вниз и двинулся по тропинке у дороги. Ускорил шаги, почти догнал дружную пятерку. Только ребята шли выше его – метрах в пяти. Иногда Шурка видел над иван-чаем и репейником их плечи и головы. Разговор приятелей слышался громче, но разборчивей не стал.

Шагов через сто склон сделался более пологим, а заросли на нем – пожиже. И вот здесь-то, словно выбрав подходящее место, судьба сделала Шурке подарок. Чиркая по головкам белоцвета, прилетел сверху и шмякнулся к Шуркиным кроссовкам пластиковый бидон. Тот самый – пузатый и белый.

Шурка схватил его. На бидоне черной краской была нарисована пиратская рожа – со злорадной улыбкой и заплатой на глазу.

Шурка слегка нарочито засмеялся и глянул наверх. Пятеро – по пояс в бурьяне – выжидательно смотрели на Шурку. Девочка в свитере отчетливо сказала «пегому» неудачнику:

– Растяпа! – Вот, мол, махал, махал и доигрался.

Тот стрельнул в нее глазами, а к Шурке протянул растопыренные руки:

– Брось мне, пожалуйста!

Шурка бросил. Красиво так, ловко – бидон был пустой, легонький. Но «пегий» пацан, видать, от природы был неудачником. Не поймал. Посудина отлетела от его ладоней и угодила в чащу на половине высоты между ребятами и Шуркой.

И тогда Шурка, ломая стебли и царапаясь, скакнул вверх. Раз, два! Схватил бидон. И сквозь колючие сорняки выбрался на край откоса.

Он обвел взглядом пятерых. Те смотрели по-хорошему. Девочка в свитере опять сказала «пегому»:

– Растяпа... Из-за тебя человек обдирался в татарнике.

– Я сам хотел достать! Только не успел! – Голос «пегого» взлетел высоко и звонко.

Шурка протянул мальчишке бидон.

– Спасибо, – сказал «пегий», надув губы с дурашливой виноватостью.

Шурка ощутил непривычную раскованность. Словно кто-то отключил в нем всегдашнюю сумрачную стеснительность и подсказывал, что делать и говорить.

Шурка простецки шмыгнул носом.

– Пожалуйста. Как не помочь знакомым людям...

– Разве мы знакомы? – вежливо удивился рыжеватый мальчишка.

– Маленько... – Шурка решился на улыбку. – Не со всеми, а вот с ней. – И только теперь взглянул прямо на Ту-Которая-с-Косами.

Она не стала отпираться. Веселыми серыми глазами как бы вобрала в себя Шуркин взгляд.

– Да! Я сидела в окошке, а он ехал в трамвае и показал мне язык...

– Я?! – радостно возмутился Шурка. – Это ты мне показала язык! Лопатой, вот так...

А я сделал вот так! – И растопыренной пятерней он изобразил «нос».

– Фи, Евгения, – тоном аристократа сказал похожий на юного артиста мальчишка. – Разве прилично показывать язык незнакомым молодым людям!

– Знакомым тоже неприлично! – звонко вмешался «пегий».

Евгения тут же показала ему язык:

– Помалкивай, пока не попало!

– Они с Алевтиной всегда меня угнетают, – доверчиво пожаловался «пегий» Шурке.

– Не смей называть меня Алевтиной! – Девочка в свитере замахнулась на «пегого». Он тренированно отскочил. И все опять соединили взгляды на Шурке.

«Что бы такое сказать? – запрыгала в нем мысль. – Что бы еще сказать? Что?..»

Выручил «пегий». Неожиданно.

– А ты не испугался, когда на тебя свалилась такая «голова»?

– Нет... – И вмиг придумалось, удачно так: – Я обрадовался. Подумал: вот, инопланетянин приземлился.

У «пегого» округлились глаза.

– Ты, значит, тоже ищешь инопланетянина?!

– Я?.. Нет. Я так просто... – Шурка растерялся. И тогда Евгения-с-Косами объяснила ему, как давнему другу:

– Понимаешь, у Кустика новая фантазия. Голос из космоса сказал ему, что визит звездных пришельцев на Землю наконец состоялся...

Непонятно, чего здесь было больше – то ли неожиданной симпатии к Шурке, то ли желания поддразнить пегого Кустика.

Кустик вознегодовал:

– При чем тут голос! Я сам видел ночью, во время грозы, как на Бугры приземлилось что-то такое... огненное и плоское, как тарелка!.. Должны же они когда-нибудь прилететь!

– Может, и правда прилетели, – не выдержал Шурка. Потому что ощутил в этом нескладном Кустике склонность к предвидению. И на миг проклянулся в груди ледяной холод... Но тут же Шурка встряхнулся. Евгения-с-Косами сейчас была для него важнее всех этих проблем. Важнее Реи...

Она была такая... удивительно славная, эта Евгения. И остальные – тоже. Шурка чувствовал, как от него тянутся к ним невидимые ниточки... Напрасно он говорил бабе Дусе и себе, что хорошо ему жить одному.

– А где же их искать, пришельцев-то? – сказал Шурка с чуть наигранной задумчивостью.

– На птичьем рынке! – звонко сообщил Кустик.

– «И все засмеялись», – сухо произнесла Алевтина. И тогда все в самом деле засмеялись. Кроме нее, Алевтины. Она же разъяснила: – Наивное дитя решило, что пришельцы могут быть не как люди, а как заморские зверюшки. Они прилетели, их поймали и теперь продают вместе с котятками и ужами...

– Я не так говорил! Я...

– Вообще-то мы за квасом пошли, – примирительно разъяснил рыжеватый мальчик. – А на птичий рынок – по пути...

– А где он, этот рынок-то?

– Ты не знаешь? – слегка удивился похожий на артиста.

Шурка сообщил бесхитростно:

– Я тут многого не знаю. Я еще только знакомлюсь с окрестностями. Потому что недавно приехал.

– А откуда ты? – спросил похожий на артиста. В нем чувствовался старший. Не по возрасту, а по характеру.

– Я... – Шурка чуть сбился. Выкрутился: – Ох, издалека... Я в интернате жил, а потом нашлась родственница... бабушка... Забрала к себе... Под родной крышей хоть как лучше, чем там...

Он выдал это в один прием, как бы выбрасывая на стол все карты. Вот, мол, я какой и откуда. Хотите продолжать знакомство – хорошо. А нет – так нет. Потому что к интернатским отношения бывает всякое...

Никто не замкнулся, не отодвинулся даже внутренне – Шурка это ощутил. Только сочувственно помолчали: «Понимаем, что были у тебя нелегкие времена». И опять спасительно разбил молчание Кустик:

– Ну, тогда, если хочешь, пошли с нами! Посмотришь на этот рынок!

– Пошли... если можно, – тихо сказал Шурка. И снова встретился взглядом с Евгенией. Она отозвалась тоже тихо:

– А почему же нельзя...

По дороге болтали о том, о сем. А Шурка помалкивал, шел с краю, слушал.

Кустик утверждал, что на местности под названием Бугры собственными глазами видел след летающей тарелки.

– Всего в ста метрах от развалин трансформаторной будки! Круглый, метра три в поперечнике, выжженный. Только он быстро зарос ромашками и клевером. Если хотите, покажу! Не верите?

– Да верим, верим, – сказала Женька.

Конечно, все ее звали не Евгенией, а Женькой. И Шурке это нравилось.

Алевтину называли Тиной (полное имя она, как Шурка понял, не терпела). Похожего на нее мальчишку именовали Ником. Уже после Шурка узнал, что это сокращенно от Никиты.

А у темноволосого было имя Платон. Шурке подумалось, что оно для «артиста» очень подходящее. Не совсем обычное и такое... интеллигентное, что ли. Впрочем, иногда Платону говорили «Тошка».

Все это Шурка узнал на ходу, слушая веселую болтовню. Иногда он вставлял пару слов...

Скоро свернули в Огородный переулок, который привел к утоптанной, огороженной бетонной решеткою площади с прилавками и ларьками.

Это и был птичий рынок. А точнее – кошачий, собачий и всякий-всякий...

В бетонных границах рынка было тесно. Снаружи изгороди тоже устроились продавцы и ходили покупатели.

Квохтали в сетчатых загонах куры и жизнерадостно орал привязанный за ногу рыжий петух. Возились в клетках пушистые, как игрушки, кролики. Щетинистый дядька держал на веревке симпатичного, с ласковыми глазами козла. Мальчишки и девчонки сидели на корточках у картонных коробок, где копошились беспородные котята и щенки. Продавали их совсем дешево или даже предлагали «за так» – лишь бы нашлись для малышей хозяева.

Но вся эта живность была самых обычных пород, без намека на инопланетную сущность.

– Надо туда, в середину! – нетерпеливо потребовал Кустик. – Там всякие редкие звери.

Внутри забора живой товар был повыше качеством. От края до края площади тянулся собачий ряд, где продавцы держали на поводках дисциплинированных овчарок, бульдогов, терьеров и великанов ньюфаундлендов. Это были «образцы», а продавали щенков. Щенки резвились в просторных ящиках или безмятежно сидели на руках у хозяев, не ведая, что скоро будут разлучены с мамами и братьями-сестрами. «Бедняги», вздохнул про себя Шурка. Собачий ряд ему не понравился.

Зато понравилась худая черная дворняга, которая независимо ходила по рынку среди покупателей. Ее никто не продавал, она была сама по себе, и в глазах ее светилось дерзкое превосходство над благородными, но подневольными сородичами.

Шурка не удержался, шепотом сказал Женьке:

– Она здесь среди собак самая счастливая, верно?

И Женька понимающе кивнула. И коса ее щекотнула голый Шуркин локоть.

А Кустик упрямо тянул компанию дальше.

И они оказались среди прилавков, уставленных аквариумами.

В зеленоватой воде таилась прохлада океанов. И каждый стеклянный ящик был как частичка Атлантики или Средиземного моря... Стайки всевозможных рыбьих пород носились среди водорослей и пузырчатых воздушных струек. А в трехлитровых банках жили рыбы-одиночки, покрупнее: серебристые и золотые, глазастые, важные...

К плоскому стеклу аквариума подплыла пунцовая рыбка. Размером в половину Шуркиной ладони. С блестящей, словно красная фольга, чешуей. С длинными прозрачными плавниками и пушистым, как вуаль, большим хвостом. Глянула понимающим, почти человеческим глазом...

– ...Ну, ты чего? Пойдем дальше! – Кустик дернул Шурку за рубашку.

Шурка отвел от аквариума глаза. Усилием воли прогнал из груди холод. «Ерунда. Просто похожа, вот и все...» Ребята смотрели на него удивленно.

– Загляделся на рыбку, – сказал он виновато.

– Это алый вуалехвост, – разъяснил Кустик.

– Откуда ты знаешь! – возмутилась Тина. – Ты же никогда рыбами не интересовался!

– Просто придумал. А что, разве плохо?

«Неплохо», – мысленно одобрил Шурка.

А Тина сказала:

– Чучело ты, Куст...

– А ты...

– Пошли дальше, – велел Платон.

Дальше были всякие рептилии и земноводные. Руки худого коричневого мужика обвиняла пятнистая серо-зеленая змея. Длиннющая! Шурка содрогнулся, а Женька рядом с ним ойкнула.

За стеклами часто дышали большущие бугристые лягушки. Сновали ящерицы и тритоны. Еще несколько змей – с желтыми животами – сплелись в клубок. Шурка передернулся опять.

– Ага, ужас... – шепотом согласилась Женька. – А вот это животное ничего, симпатичное даже... – В отдельной банке сидела бурая добродушная жаба. Задумчиво мигала пленочными веками...

– Вполне, – охотно откликнулся Шурка.

– Смотрите, вот они! – вдруг шумно обрадовался Кустик.

– Кто?..

– Где?..

– Вот! Неизвестные существа!

Существа эти были большие, в полметра длиной, ящерицы. С удивительно пестрой – радужными пятнами – раскраской и зубчатыми гребешками на спинах. Они нервно били хвостами и порой вставали на задние лапы, а передними, похожими на ручки лилипутов, брались за прутья решетки. И глазами своими – с кошачьими зрачками-щелками – смотрели на людей очень осмысленно.

Так осмысленно, что вся компания на полминуты притихла.

Наконец Тина откинула робость.

– Ну, конечно! Жители планеты Бумбурумба! Прилетели, попали в плен и продаются под видом земных каракатиц.

– Сама ты каракатица, – сказал Кустик.

– Это хамелеоны, – решил Ник.

Платон возразил:

– Хамелеоны часто меняют окраску, но такими разноцветными они не бывают.

– Может, вараны? – вставил слово Шурка. Он не был силен в зоологии. Но чувствовал, что никакие это не пришельцы, хотя и странные создания.

– Точно. Из жаркой пустыни, – поддержала его Женька.

– В пустынях ящерицы желтые, – не согласился Ник.

– Скорее уж с Амазонки, – решила Тина.

– Давайте спросим продавца, – предложила Женька. И посмотрела на Шурку.

Все продавцы рептилий были как на подбор хмурые, небритые и неразговорчивые. И этот – такой же. Но Женька смотрела выжидательно, и Шурка – что делать-то? – набрался храбрости:

– Скажите, это какая порода?

Продавец отозвался, не взглянув:

– Сам ты порода. Гуляй, мальчик, все равно не купишь...

Шурка виновато глянул на остальных, развел руками.

– Пошли, ребята, – с вызовом сказал Платон. – Они этих крокодилов на мясо разводят. И все шестеро выбрались из толпы любопытных на свободный пятачок.

– Скажешь тоже, «на мясо»! – запоздало возмутилась Тина. – Гадость такая...

Кустик задумчиво спросил:

– Интересно, у этих ящериц хвосты отрастают, если оторвать? У маленьких отрастают, а вот у таких... А?

– Тебе не все ли равно? – сказала Тина.

– Интересно же. У этого свойства специальное название есть. Ре... регни...

– Регенерация, – сказал Шурка, радуясь, что может поддержать разговор. – Способность к восстановлению живых тканей. У людей она тоже есть.

– Не выдумывай! – опять возмутилась Тина.

– Но ведь волосы-то у нас растут! И ногти!.. А у некоторых такая склонность – повышенная. Вот у меня волосы, например, то и дело обрезать приходится. И царапины заживают почти сразу. Там, на горке, я ногу колючками до крови ободрал, а сейчас уже – ничего. Вот... – Он дрыгнул ногой. На щиколотке был еле заметный след – словно неделю назад кошка царапнула.

– А разве была кровь? – обеспокоилась Тина.

– Была, я помню, – сказал Ник.

– Это у тебя от природы такое свойство? – спросил Платон. – Или его можно в себе выработать?

– Не знаю... Это после операции.

– После какой? – тихо спросила Женька.

Шурка вздохнул:

– На сердце...

– Ух ты, – уважительным шепотом произнес Кустик. – Слушай... А если палец оторвать, он у тебя тоже вырастет?

– Не знаю, я не пробовал, – серьезно сказал Шурка.

– «И все засмеялись», – подвел итог Платон. И все правда засмеялись. А Женька объяснила:

– Это у нас поговорка такая. В журнале «Костер» есть раздел со всякими анекдотами, которые обязательно кончаются этими словами. Иногда совсем не смешно. Ну и вот, если кто-нибудь ляпнет глупость...

– Разве я ляпнул глупость? – обиделся Кустик.

– Я не про тебя... Кустик у нас умный, только в нем фантазии через край. Иногда бывает, что такую историю сочинит, что... фантастичнее всякой фантастики.

– А бывает, что и на краешке правды, – вставил Платон.

– Хватит вам. Пошли лучше по птичьему ряду, – насупленно сказал Кустик.

И они пошли.

Здесь стоял свист и щебет. В клетках прыгали и шуршали крыльями щеглы, канарейки и волнистые попугайчики. В громадном количестве. Кучка людей слушала, как большущий белый какаду на плече у хозяина разговаривает по-испански. Другой крупный попугай – зеленый и хохлатый – в широкой клетке кувыркался на жердочке. А в клетке по соседству – высокой и узкой – сидел, прикрыв глаза, серый орел. Облезлый, неподвижный и гордый...

– Мне птиц в клетках всегда жалко, – сказала Женька. Вроде бы всем, но Шурка понял: прежде всего ему. – Взяла бы да всех выпускала...

– Попугаи на воле не выживут, – резонно заметил Платон.

Птичий ряд кончился. Ребята опять вышли за изгородь. Вдоль нее стояли киоски: с кормом для птиц и рыб, а заодно и для людей – с бананами, шоколадными батончиками, пивом и карамелью.

Тина сморщила нос.

– Куда смотрит санитарная инспекция! Разве можно торговать едой в таком месте!

И в самом деле, даже здесь, за границей рынка, пахло птичьим пометом, прелым сеном и всем, чем пахнет в тесном зверинце.

– Подумаешь! Сейчас экология такая, что заразы во всех местах полным-полно, – отозвался Ник. И всех, начиная с себя, пересчитал пальцем. – Шестеро. Каждому по половинке...

Он отбежал и скоро вернулся с тремя желтыми, в коричневых веснушках, бананами. Ловко разломал их пополам.

– Спасибо... – бормотнул Шурка. Неужели его считают уже своим? Или это просто так, из вежливости? Ну да, не будут же пятеро жевать, а один смотреть. Но все равно он был рад. Тем более что его половинка оказалась от того же банана, что и Женькина. Случайно, конечно...

Неподалеку врос в землю красный облезлый фургон. В тени его была самодельная скамья – доска на кирпичных столбиках. Приют для любителей пива. Сейчас тут никого не оказалось, и все шестеро устроились на пружинистой доске. Шурка не посмел сесть с Женькой и очутился между Кустиком и Тиной (с ее жарким свитером).

Покачались на доске, сжевали спелую вязкую мякоть.

– Бананы – лучший российский овощ, – назидательно сказал Ник.

– Помидоры вкуснее, – отозвался Кустик. Он отдувал от лица налетевший тополиный пух.

– Но дороже, – возразил Ник.

– Лучше бы мороженое купил, – упрекнула его Тина. – А то с бананов только пить хочется.

– Ты же простуженная! – Ник даже подскочил от возмущения.

– Ты же «кха-кха» и «кхе-кхе», – напомнил со своего края Платон.

– У меня же не ангина, а хрипы в бронхах. Мороженое на это не влияет.

Шурка прыгнул со скамьи:

– Подождите! – И помчался туда, где продавали эскимо.

На шесть порций ушли все деньги, что дала баба Дуся. «Вот тебе и картошка!» – с бесшабашностью подумал Шурка. И еще мелькнула мысль, что баба Дуся будет права, если свое обещание насчет полотенца претворит в жизнь. Ну и пусть!

– Ух ты-ы... – благодарным хором сказала вся компания, когда Шурка примчался назад.

– Ты небось разорился в дым, – смущенно заметил Платон.

– Ерунда! – Шурка всем вручил эскимо, лишь перед Тиной задержался: – Тебе правда можно? Не повредит?

– Не повредит, не повредит!

– Да сочиняет она про бронхи, – звонко подал голос Кустик. – Ей просто новыми лосинами похвастаться захотелось. А свитер натянула, чтобы получился этот... костюмный ансамбль.

– Сейчас кому-то будет ох какой ансамбль... – Тина приподнялась. – Ой... кха...

– Ты, Куст, бессовестный, – заявила Женька. – Что ты к ней пристаешь? Над тобой же не смеются, что ты в таких доспехах...

– А я виноват, что у меня аллергия на пух?! – очень болезненно среагировал Кустик.

– Дурь у тебя, а не аллергия, – заявила Тина. – Щекотки боишься, как чумы...

– А ты... Алевтина, Алевтина, разукрашена картина...

– Ох, кто-то сегодня допрыгается, – сказал в пространство Платон. – Ох, кто-то скоро завершит: «Ай, не надо, ай, больше не буду...»

– Больше не буду! – Кустик торопливо пересел на дальний край доски.

– «И все засмеялись», – усмехнулась Женька. И все засмеялись. Кроме Платона. Он раздумчиво изрек:

– А все-таки какие же мы свиньи...

– Почему? – изумился Кустик.

– Лопаем угощение человека, у которого до сих пор даже имя не спросили...

– М!.. – Тина кокетливо приподнялась. – Правда. Но тогда мы должны сперва сами... как нас зовут...

– А я уже знаю! – обрадованно сообщил Шурка. – Только одно не понял: «Кустик» или «Костик»?

– Вообще-то это существо – Константин, – разъяснила Женька (и опять встретила с Шуркой глазами, и он потупился). – А «Кустик» потому, что такая бестолковая растительность на голове.

– Да. И горжусь, – заявил Кустик.

– А я – Шурка... – Это у него легко получилось, без смущения. И он опять посмотрел Женьке в глаза. Она неуверенно спросила:

– Наверно, лучше «Шурик»?

– Нет! – Он дернулся, как от тока. – Это... не лучше. Это я не терплю.

Все теперь молчали неловко и удивленно. И Женька – она словно слегка отодвинулась. И спасая себя от возникшей отчужденности, Шурка признался тихо и отчаянно:

– В интернате дразнили... «Шурик-жмурик-окачурик»... Словно знали заранее...

– Что... знали? – шепнула Женька.

– Ну... что чуть-чуть не окочурюсь. Меня ведь буквально с того света вытащили. В клинике...

И не было уже отчужденности. Наоборот... И Женька тихонько спросила:

– Из-за сердца?

– Ну... да. А еще из-за травмы. Я угодил под машину. И сперва все решили, что конец...

С минуту опять молчали. С пониманием. Наконец Платон встряхнулся:

– А теперь-то как? С тобой все в порядке?

Кустик хихикнул. Вроде бы не к месту. Шурка глянул удивленно.

– Не обижайся, – быстро сказала Женька. – Просто смешно получилось, это у нас тоже поговорка такая: «С тобой все в порядке?»

– И еще: «Увидимся позже», – добавила Тина. – Это в американских фильмах все время такие слова говорят. С попугайной настойчивостью...

– Терпеть не могу это кино! – в сердцах выдал Шурка. – Все время стрельба по машинам! И по людям...

– Ага! – встрепнулся Кустик. – Ды-ды-ды! Бах-бах! «С тобой все в порядке, милый?» – «Да, дорогая, увидимся позже!»

– «И все засмеялись», – через силу улыбнулся Шурка.

– Нет, но с тобой-то все в порядке? – повторил Платон. – Дело в том, что мой дядя очень хороший кардиолог...

– Сейчас все нормально. Спасибо. Меня лечили хорошие... кардиологи. А потом специально родственницу отыскивали, потому что в интернате больше нельзя. Там и здорового-то со свету сживут...

Опять все помолчали, как бы впитывая в себя Шуркины беды. Женька наконец осторожно призналась:

– Мне, например, «Женька» нравится больше, чем «Женя». У Евтушенко такие стихи есть, вернее, песня: «Девчонка по имени Женька»... Меня и мама так зовет...

И тогда... Тогда он сказал то, чего не говорил никому: ни бабе Дусе, ни Гурскому, ни... А какое еще «ни»? Больше никого и не было. Он всегда молчал об этом, а здесь, на пыльном пустыре, горьким шепотом сказал почти незнакомым мальчишкам и девчонкам:

– Меня мама звала «Сашко». Только это давно. Я почти и не помню...

И долго было тихо – слышались только в отдалении свист и чириканье волнистых попугайчиков.

Наконец, героически спасая всех от этой тишины, Тина завозмущалась:

– А я терпеть не могу свое имя Алевтина. Сокращенное гораздо лучше. А этот вот... он все время дразнится. – Тина мимо Шурки ткнула в Кустика пальцем.

– Имейте в виду, она сама ко мне пристаёт! – торжественно объявил Кустик.

Беседа беседой, а мороженое съели быстро. Покидали скомканную обертку в близкую мусорную кучу. И в этот момент явилась компания «крутых». Мордастые, в кожаных безрукавках, с банками пива в охапках.

– Эй, головастики, чего тут мусорите! Брысь отсюда!

Пришлось отойти. Ник все – таки сказал издалека:

– Купили, что ли, это место, да?

Один «крутой» обернулся, пообещал добродушно:

– Отдавлю язычок. И еще кое-что...

И Шурка не выдержал:

– Мафиози недострелянные!

И, конечно, – сразу в бега. Дружно, все шестеро. Вдоль бетонной решетки, мимо ларьков и торговцев курами. «Крутые» гнались недолго, потом беглецов уже просто страх подгонял. Напополам с весельем. До той поры, когда Шурка споткнулся и пузом проехался по утоптанной обочине. Это было уже в Огородном переулке.

Шурку подняли.

– Опять до крови. Локоть, – сочувственно сказал Кустик.

– Ох, да локоть-то заживет. А вот это... – Шурка поднял левую ногу. Подошва кроссовки была оторвана от носка до середины. Болталась, как собачий язык.

Ник тихо свистнул. Женька велела:

– Шурка, сними. Дай... – Она взяла пыльный башмак. – Платон, у тебя универсальный клей есть. Помнишь, ты Кустика сандаля чинил?

– Сделаем, – пообещал Платон. – Пошли.

И пошли. И Шурка был рад, что есть причина подольше не расставаться с ребятами. Он шагнул рядом с Женькой – одна нога босая, а кроссовка в руке: хлоп, хлоп подошвой.

– Мне это что-то напоминает, – осмелился пошутить Шурка.

– Что?

– Чей-то язык. В окошке...

– Ну, вот... – Женька притворно надула губы. – Еще один дразнильщик-любитель, вроде Куста...

– Больше не буду... Ой... – Глядя на Женьку, вперед он не смотрел и чуть не наткнулся на мальчишку. На небольшого, лет восьми. В разноцветном «мультишном» костюмчике – вроде того, какой чуть не купила Шурке баба Дуся. Желтоволосый и желтоглазый мальчишка стоял на пути робко и в то же время упрямо. Вздернул острый подбородок.

– Тебе чего, мальчик? – осторожно спросила Женька.

– Скажите, п-пожалуйста... Вы идете с птичьего рынка?

– Да...

– Скажите, пожалуйста... – Он говорил сипловато и старательно выговаривал слова. Наверно, чтобы подчеркнуть важность вопроса: – Вы не встречали на рынке рыжего щенка с черным пятном на ухе? Ухо висячее, а шерсть лохматая...

Все запереглядывались.

– Нет. Не встречали. К сожалению, – огорченно и очень серьезно проговорила Женька. И Шурка почувствовал, что ей хочется присесть перед мальчиком на корточки и взять его за руки.

Шурка сказал виновато:

– Там всяких щенков много, но рыжий с черным пятном не встречался. Я бы запомнил... Мы бы запомнили.

– Украли, да? – сочувственно спросил у мальчишки Кустик.

– Скорее всего, да... Или сам убежал. Глупый еще... – Мальчик переводил с одного на другого внимательные желтые глаза. Потом потупился.

– Может, еще прибежит, – неуверенно утешил Ник.

– Едва ли он сам найдет дорогу. Скажите, пожалуйста... – Маленький хозяин щенка опять поднял взгляд. – Вы сможете бросить в почтовый ящик открытку, если случайно его встретите?

– Что за открытка? – со строгой ноткой спросил Платон.

– Вот... – Из разноцветного кармана мальчик вытащил пачку почтовых карточек. Одну протянул Платону. Все сдвинулись.

Адрес был написан печатными буквами:

«Местное. Ул. Камышинская, дом 8, кв. 3. Грише Сапожкину».

А на обороте:

«Твой щенок нашелся. Приди за ним на улицу ..., в дом ..., кв..., к...»

– Вы, пожалуйста, заполните пропущенное и бросьте, ладно?

– Ладно. Если встретим... – вздохнул Ник.

– Только я... к сожалению, не могу гарантировать вознаграждение... – Мальчик опять стал смотреть под ноги.

– Обойдемся, – сказал Платон. – А как зовут твоего щенка?

– Рык... Ну, от слова «рычать». Только он еще не умеет...

– Ладно. Если найдем, известим, – пообещал Платон (а в голосе его не было надежды). – Может, сами приведем по адресу. Это ты и есть Гриша Сапожкин?

– Да, это я. – Он обвел глазами каждого.

– Ладно, Гриша. Может, нам и повезет. Не горюй...

Они оставили грустного разноцветного мальчика посреди переулка и минуты две шли молча. Будто сами потеряли щенка. Наконец Платон предложил:

– Пойдем по Березовской, поближе к Буграм.

– Пошли, – отозвалась Женька. А Шурке объяснила: – Бугры – это такие пустыри. Вон в той стороне. Мы там часто играем. Это место... ну, не совсем обыкновенное.

– Почему?

– Ну, оно такое...

– Вон, смотри, самолет летит! – оживился Ник. – Видишь? А когда он полетит над Буграми – исчезнет.

– Совсем?!

– Не совсем, а для наблюдателей, – объяснил Платон. – Видимо, рефракция атмосферы.

– Потому там и пришельцы приземляются, – вставил Кустик.

– Чучело, – сказала Тина.

– Слышали? Она опять первая обзывается.

– Ой, правда! – удивился Шурка. – Не стало самолета!

– Он теперь только там, у полосатой трубы появится, – с некоторой гордостью сообщил Платон. Словно сам был автором фокуса.

– У какой трубы? Вон у той?

– Да нет! Левее, где облако...

Облако показалось Шурке похожим на лопоухого щенка. И, видимо, не только Шурке. Ник вдруг проговорил, как Гриша Сапожкин:

– Скажите, п-пожалуйста, вы не видели рыжего щенка с черным пятном на ухе?

Все опять помолчали.

– Знаете что?! – Кустик вдруг завертел клочкастой головой. – А может, он как раз и есть инопланетянин?

– Кто? – без особого удивления сказал Платон.

– Ну, этот... Гриша.

– Перегрелся ты, бедный, – пожалела Кустика Тина.

– Сама ты перегрелась! Вы разве... сами не заметили?

– Что? – осторожно спросил Шурка.

– Ну, какой он... не приспособленный к земным условиям. Беззащитный.

– Господи, а сам-то ты... – со стоном сказала Женька.

– А что я?.. Ну и что! А вы много про меня знаете?! Может, я тоже... Вот улечу однажды в другое пространство!

– Только попробуй, – сказал Платон. И почему-то посмотрел на Шурку.

4. Дразнилки и щекоталки

Платон жил недалеко от Женьки. Дом его – просторный, старый, с верандой и высоким крыльцом – стоял в глубине двора, среди корявых густых яблонь.

На крыльцо вышла очень пожилая дама с седой прической.

– Здрасьте, Вера Викентьевна! – хором сказали все, кроме Шурки. А Женька Шурке шепнула:

– Это его бабушка.

– Здравствуйте, племя младое...

– Бабушка, это Шурка... – Платон тронул его за плечо.

– Здравствуйте, Шурка. – Бабушка Платона, похожая на старую учительницу музыки, медленно кивнула.

В первый момент Шурка встал прямо, голову наклонил, руки по швам. А во второй – понял, как он забавен в этой позе: встрепанный, с босой ногой, в пыльных подвернутых штанах и мятой рубашке навывпуск. Но Вера Викентьевна смотрела с высоты ступеней благожелательно и серьезно. Может быть, сквозь потрепанную внешность разглядела прежнего Шурку – мальчика в черном бархате концертного костюма с белым воротничком? Изящного ксилофониста из детского оркестра «Аистята»? Того Шурку, о котором он сам почти позабыл?

Под навесом двухэтажного сарая лежало несколько громадных (и, видимо, древних) плах. К одной были привинчены слесарные тиски. К другой – чугунная «нога» для сапожных работ.

– Дедушка любил на досуге сапоги потачать. Как Лев Толстой, – объяснил Платон. – Ну, давай твой башмак.

Кроссовку насадили на «лапу». Накачали под подошву пахнущего бензином клея из тюбика. Подождали, прижали, придавили старинным литым утюгом.

– С полчаса пускай посохнет, – решил Платон.

«Значит, я могу быть тут еще не меньше получаса!» – тихо возрадовался Шурка. Глянул на Женьку, смутился, решив, что она прочитала его мысли...

Двор был солнечный, с травой и бабочками, со шмелями, что гудели у заборов над иван-чаем.

Недалеко от сарая вкопан был турник. Сейчас на нем вниз головой неумело болтался Кустик. В этом положении он изрек:

– Ох как хлебушка хочется. И пить. Квасу-то мы так и не купили.

– Бабушка сделает бутерброды и чай, – сказал Платон.

– Ох, пока она сделает... – со стоном пококетничала Тина. – Ник, пошли!

И они разом перемахнули через забор – их двор был соседний.

– Они брат и сестра? – спросил Шурка у Женьки. Довольный, что есть о чем заговорить.

– Нет. Просто соседи.

– А похожи...

– Еще бы. Общий образ жизни всегда делает людей похожими, – сообщил висящий, как летучая мышь, Кустик. – А они с ясельного возраста в одной группе, потом в одном классе. Сколько лет сидели на горшках рядом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.